

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВСЕ ВОСТОРГИ МИРА:
ЭКСТАЗ
В ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУССТВЕ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Санкт-Петербург — Тверь
2015

УДК 821.09
ББК 83.3(0)
В85

Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве:
Сб. статей. СПб. — Тверь: Изд-во Марины Батасовой,
2015. — 272 с.

Основу сборника составили материалы Второй Апрельской междисциплинарной международной научной конференции, проведенной в Пушкинском Доме 27—28 апреля 2015 г., ставшей продолжением форума «Все страхи мира: Ноггог в литературе и искусстве» (2014).

Задачей исследователей стало изучение эстетической категории, обычно не привлекающей внимания современных ученых, и осмысление разнообразных воплощений экстаза в литературе и других видах искусства.

Редколлегия:

*С. В. Денисенко (отв. ред.),
А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайте, А. Ю. Сорочан*

Составитель
И. В. Мотеюнайте

В оформлении книги использованы рисунки П. Пикассо

А. М. Грачева
(Санкт-Петербург)

**ГЕНЕЗИС АПОЛОГИИ ЭРОСА
В ПОВЕСТИ А. М. РЕМИЗОВА
«НЕУЕМНЫЙ БУБЕН»**

В 1909 г. А. М. Ремизов закончил повесть, первоначально называвшуюся «Неугомонное сердце», а затем получившую окончательное название «Неуемный бубен». Действие в ней происходило в русском провинциальном городе (в котором легко угадывалась Кострома). Фабула этой повести такова: ее главный герой — мелкий судебный чиновник Иван Семенович Стратилатов, престарелый донжуан, сквернослов и похабник, мечтал встретить свою великую и единственную любовь... Именно ее воплощение он увидел во взятой им в дом в качестве метрессы шестнадцатилетней сиротки Надежды, которая вскоре, прихватив ценные вещи, сбежала от него с новым любовником — молодым стражником Прокудиным. Униженный любовницей и избитый соперником Стратилатов умирает в больнице.

Большинство критиков прочли произведение Ремизова в традиционном реалистическом ключе и пришли к логичному морализаторскому выводу. В этом плане характерен отзыв С. Ауслендера:

«Омерзителен этот судейский писец Иван Стратилатов, маниак, воплотивший всю пошлость, всю гадость, на какую только способен человек, покупающий себе в наложницы шестнадцатилетнюю швею <...> Изумительный по мерзости портрет-гротеск»¹.

---

¹ Речь. 1911. № 2. 3 (6) янв. С. 5.

Рецензенты не раскрыли суть художественного замысла Ремизова, а потому и не смогли адекватно оценить его произведение. Также оно было лишь частично понято, но эстетически отвергнуто даже собратями писателя по новому искусству. Впоследствии в книге «Петербургский буюрак» Ремизов так вспоминал о своем чтении «Неуемного бубна» в редакции журнала «Аполлон»:

«Я превратился в Ивана Семеновича Стратилатова. <...> Необыкновенное впечатление на Андрея Белого. На него накатило — черта в воздухе сложную геометрическую конструкцию — образ Ивана Семеновича Стратилатова, костромского археолога, рассекая гипотенузой, он вдруг остановился — необыкновенное блаженство разлилось по его лицу: преобразенный Стратилатов реял в синих лучах его единственных глаз. / Да ведь это археологический фалл, кротко, но беспрекословно голос Блока. Блок выразился по-гречески. / Андрей Белый, ровно пойманный, заметался <...> „Иван Семенович Стратилатов воплощение археологического фалла“, а он не заметил! И это правда! <...> В Берлине в 1922-м лекция Андрея Белого „О любви“. <...> И вдруг <...> голос из публики: / — А где же фалл? — Кусиков выразился по-русски. / И тут произошло однажды случившееся в Петербурге на вечере в „Аполлоне“. <...> и остались одни испуганные глаза — в „Аполлоне“ в Блока, в Берлине в Кусикова. А в ушах неуемым бубном по-гречески и по-русски. „Неуемный бубен“, одобренный синедрионом, „Аполлон“ не принял: С. К. Маковский, возвращая рукопись, мне объяснил <...> у них нет места»¹.

И действительно, критики были правы в том, что в повести Ремизова тема эроса является центральной, определяя сюжетную и языковую структуру произведения. Пространство повести представляет собой систему кругов, центром которых является главный герой. Название произведения представляет собой характеристику главного героя. «Неуемный бубен» — это авторский эвфемизм, заменяющий табуированное обозначение женолюбца, человека гипермаскулинного ролевого поведения. Метафора восходит к арготизму: бубенцы, бубен-

---

¹ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 10: Петербургский буюрак. С. 194—195.

чки — мошонка¹. Стратилатов — эротоман. Это проявляется в его поведении (в посещении злчных мест провинциального города, коллекционировании эротической литературы и ее постоянном цитировании). Так, например, «Стратилатов, выкладывая перед гостем всю свою ученость <...> желая показать свое превосходство <...> насказал стихов много, и всё, как сам выражался, эротических»².

Основными источниками повести стали тексты литературных и фольклорных произведений эротического и порнографического характера. Среди них на первом плане стоят тексты из сборника А. Н. Афанасьева «Русские заветные сказки». Иногда Ремизов строит диалоги персонажей на основе цитатной мозаики отсылок к нецензурным фольклорным эротическим текстам, «раскрывать» содержание которых мысленно должен сам читатель. Например:

«— Никола Дуплянский! — отозвалось из коридора. <...> — Гуся ел да попершилось — отпустил Корявка. — А я видел Ивана Семеновича с двумя девицами на бульваре! — перекинул другой кандидат от стола Адриана Николаевича. — Неумный бубен! — поддакнул Забалуев» (*Неумный бубен*. С. 46).

В данном случае даны отсылки к эротическим народным сказкам «Никола Дуплянский» и «Чудесная мазь» из сборника «Русские заветные сказки». Или, например, разговор Стратилатова с художником-жуликом Шабалдаевым:

«Познай грех свой и безумие, мошенник, — скажет, бывало, Стратилатов. <...> В тюрьму тебя засадить, шельмеца, в подтюрьмок. — Сажайте, деспот Иван Семенович, воля ваша. — Потрясешь там своими бубенчиками, жульник» (*Неумный бубен*. С. 38).

Последний диалог представляет собой развернутое эротическое иносказание, ориентированное на обсценную лексику

---

¹ *Елистратов В. С.* Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.). М., 2000. С. 48.

² *Ремизов А. М.* Неумный бубен // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: Зга. С. 40. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (*Неумный бубен*) с указанием страниц в скобках.

и метафоры сказки «Поп, попадья, поповна и батрак» из того же фольклорного сборника. Удалось установить, что кроме формирующих мотивный пласт повести сюжетов сказок Афанасьева источниками основного любовного сюжета произведения (любовного «треугольника»: Стратилатов — Надежда — Прокудин) являются древнерусский памятник XVII в. «Беседа отца с сыном о женской злобе», роман М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770) и рассказ-анекдот «О девушке, вышедшей по принуждению родителей за старого за мужа» из сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана Гостиного сына и другие повести и сказки» (1785). Кроме того, один из основных источников «эротической» лексики повести — «Словарь» В. И. Даля. Например: «В первый раз увидел Стратилат Надежду <...> одна она в мыслях, одну поминает, только ею и бредит <...> залюбила она ему, что банный пар» (*Неумный бубен*. С. 49). Сравним с текстом словаря Даля: «Баный пар любить в костье, производить чувство неги. Любится, любить друг друга: более говорится о любви половой»¹.

История страсти Стратилатова к корыстной девице, оканчивающаяся его фиаско перед молодым соперником, — формально это классический бытовой анекдот, разыгранный на фоне сукон русского провинциального быта. Однако для Ремизова пласт реальности является лишь внешней оболочкой, скрывающей глубинный мифологический подтекст. С самого начала Стратилатов предстает как суесловящий и богохульствующий герой, стремящийся постоянно нарушать те или иные христианские запреты, главным образом в сфере сексуального поведения. Не случайно его любимым пушкинским текстом является «Гавриилиада». Цитаты из этого произведения составляют еще один из словесных лейтмотивов повести.

Каков же генезис подобной богохульной модели поведения героя? Ответ на этот вопрос содержится в самом тексте повести. Ремизов пишет:

---

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. С. 282.

«Откуда и как пошел Стратилатов, в точности не выяснено. <...> Уж само крещение его было необыкновенно. Крестили его не в купели, а *через шапку*. <...> Было в тот год на селе беспоповье. <...> Священник ехать не может. <...> Окрестил батюшка шапку и дал ее Егору, чтобы тот <...> надел бы ее на младенца. <...> Егор <...> шапку-то и потерял. <...> Едва отыскал какую-то, да скорее домой. Надели ее на младенца, так через шапку и крестили» (*Неуемный бубен*. С. 21—22).

Выявлено, что история фактического «ложного крещения» Стратилатова восходит к источнику — вставной новелле-быличке из романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом» о встрече мужика с чертом. В романе эта история рассказана после обряда изгнания бесов из его оставшейся некрещеной дочери-кликуши:

«Этому было <...> десятка полтора лет, о Святки, в часы ночные <...> мужик возится в сугробе с клячонкой <...> хозяйка родила дочку, сама хворающая <...> взмолилась, поезжай к батьке, <...> да привези ей и детищу молитву. Вот подъехал Сидорка к попову дому. <...> вышел священник <...> впустил его к себе. Спросил у мужичка шапку, прочел в ней молитву новорожденному младенцу и родительнице и, перекрестя, надел на голову мужика со строгим наказом, крепко бы держал ее на голове, а приедучи домой, вытряс бы из нее молитву на тех рабов божьих. <...> Сидорка <...> отъехал, <...> чует, на голове шапка свинец свинцом так и давит голову, <...> шапка режет ему лоб, словно железный обруч. Вдруг, отколе ни возьмись, навстречу ему сани, вороной жеребец <...> сидит в санях мужичище рыжий, шапка саженная <...> борода по колена огневая <...> Сидорке стоило бы смирнехонько, с молитвой <...> где ему, озорнику? Кричит <...> ругнул проезжего недобрыми словами. <...> Не стерпел этих позорных слов рыжий мужик <...> Сидорку по рылу, <...> а по шапке его не тронул. Осерчал наш Сидорка <...> схватился за шапку с молитвой и швырком ее в нечистого — глядь, будто огонек взвился к небу, а врага и след простыл <...> только поднялся по полю такой бесовский хохот <...> Делать Сидорке было нечего; отыскал насилу шапку свою <...> и поехал домой с недобрыми мыслями: затаю, дескать, хозяйке, что молитву потерял. <...> В избе вой и плач <...> Снял тут Сидорка шапку, словно добрый человек, потряс ее над умирающей — слышит, за печкой кто-то захохотал, родильницу перевернуло <...> замахала руками и испустила душеньку. Он к младенцу с тем же благословением: у девчонки косило рот и живот дуло,

пока отец держал над ней шапку. «Будь проклята ты!» — вскричал он <...> худо ему спалось. Видит он <...> Бес с рожками нянчит младенца. <...> И пошел ровнехонько через год в могилу <...> А девочка? <...> Девочка что-то больно кричала, как стали ее крестить, но потом <...> образов боялась и ладану не любила. А как вошла в возраст <...> стала она кликать на разные голоса. <...> Кажись, теперь нечистому недолго в ней сидеть»¹.

Ремизов мог узнать о сюжете этой былички из недавно вышедшей книги А. В. Амфитеатрова «Дьявол»:

«Любопытное народное поверье рассказал Лажечников в «Ледяном доме». <...> Злополучный мужик, не подозревая коварного подмена, добросовестно вытряс шапку над женою и сам вселил, таким образом, легион чертей как в жену, так и в новорожденную дочку»².

В «Неуемном бубне» данный фольклорный сюжет о проклятом и отданном бесам младенце является ключевым для художественной концепции повести.

История Стратилатова — это неомифологическая быличка о судьбе человеческого младенца, оставшегося некрещеным. В восточнославянской народной мифологии из таких младенцев происходили представители низшей демонологии: «шишиморы», или «кикиморы». В излюбленном источнике Ремизова — исследовании А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» — сказано:

«...русское *кикимора* или *шишимора* — имя сложное, первая его половина <...> *шиш* — домовый, бес, *шишко* — нечистый дух <...> В Сербии и Черногории *мора* <...> признается за демонического духа <...> В России также известны *мары* <...> Мары тождественны с кикиморами, о которых рассказывают, что это младенцы, умершие некрещеными или проклятые их родителями и потому попавшие под власть нечистой силы»³.

---

¹ Лажечников И. И. Ледяной дом. Минск, 1966. С. 144—147.

² Амфитеатров А. В. Дьявол // Амфитеатров А. В. Собр. соч. СПб., [Б. г.]. Т. 18. С. 162.

³ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 101.

О том, что в «Неуемном бубне» Ремизов выстраивает именно такую мифологическую генеалогию своего главного героя, говорит его неоднократно упоминаемое прозвище:

«...начетчик купец Тарактеев, <...> на возражение Зимарева, что Стратилатов тоже ведь человек, усмехнувшись, сказал: — Неужели человек? — и опять усмехнулся, — а я думал — *шишимора*» (*Неуемный бубен*. С. 44).

То же демонологическое происхождение героя подкрепляет и его автолегенда о своем происхождении от крепостной и барина по фамилии Обернибесов.

В контексте принадлежности Стратилатова к страту низшей народной демонологии, то есть к нечисти — существам, бытующим между людьми и бесами, — понятна и такая особенность его поведения, как своеобразное кликушество, выражающееся в постоянном произнесении героем комплекса странных, ничего не значащих слов. В то же время его поиск идеальной любви — «лебеди белой, не раненой» — и ее ложное обретение в лице Надежды — это развитие известного сказочного сюжета о «чудесной супруге» (в данном случае — о чудесном супруге), существе, стремящемся через брачный союз вочеловечиться, преодолеть свою волшебную, в настоящем случае демонологическую, природу. В повести Ремизова подобная попытка оборачивается, как и в легендах, неудачей. Финал повести — предсмертное видение Стратилатова: «Будто люди какие-то, на лопаты похожие, набрасываются на него, зацепили веревками под руки и тащат, как собачонку, к речке топить» (*Неуемный бубен*. С. 21—22). Это отражение христианских апокрифических представлений о наказании блудникам. Ср. с переводным древнерусским апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» (XII в.):

«...и рече архистратигъ: „Поди, пресвятая, и покажу ти, гдѣ ся мучить множество грѣшникъ“. И видѣ святая рѣку огненую, и видѣние рѣки тоя яко кровь текущи, и пояда всю землю, и посредѣ волны тоя множество грѣшникъ. И видѣвши Богородица прослезися и рече: „Что естъ согрѣшение ихъ?“ Рече архистратигъ: „То суть блудницы и любодѣи“¹.

---

¹ Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 174.

Повесть Ремизова «Неуемный бубен» была новаторским, экспериментальным произведением. В ней писатель значительно расширил представления о границах эстетического пространства, допустимого в области высокой литературы. В своем произведении он использовал тематические и языковые пласты, ранее являвшиеся достоянием маргинальных фольклорных и литературных областей художественного творчества. В «Неуемном бубне» они стали элементами моделируемого автором неомифологического текста. Современники увидели в произведении лишь мастерски рассказанный эротический анекдот. А в действительности писатель новыми художественными средствами поведал историю о несостоявшемся вочеловечивании и несвершившемся «спасении» мифологического существа, от рождения обреченного на следование своей проклятой бесовской судьбе. Ремизов считал, что именно с «Неуемного бубна» началось его следование новому литературному пути — своей дороге «русского лада».